

Э. Фукс

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Историческое место Первой мировой войны и ее транснациональные последствия являются вечными темами для историков. Будучи «тотальной», эта «великая война», так или иначе, сказалась на каждом члене общества и потребовала от ее участников всех экономических, административных и человеческих ресурсов. Мобилизация ученых для проведения исследований в военных целях стала одним из решающих средств ведения войны, содействуя тем самым учреждению новых национальных и международных институтов по координации научных исследований.

Хотя не следует переоценивать значение науки и техники в этой «новой войне науки и информации»¹, к нашему удивлению, все еще нет систематического исторического исследования этого значения, как на национальном, так и международном уровнях. Что касается международных последствий войны, то в историческом дискурсе превалировало мнение о прекращении международного сотрудничества до середины 1920-х гг. С этой точки зрения война рассматривалась как главная причина разрыва с практикой и этическими нормами научного интернационализма XIX в.²

Я постараюсь пересмотреть этот тезис, фокусируя внимание на научных институтах, которые возникли в результате войны и были нацелены на интенсификацию международного научного сотрудничества в послевоенный период. «Научный интернационализм» далее используется в двух значениях: во-первых, как «интернационализация», что означает социальную практику международных научных связей посредством организаций, институтов и коммуникаций; во-вторых, как «интернационализм». Во втором значении этот термин образует ряд нормативных положений, которые восходят к этосу современной науки. Этот этос основан на вере в объективный характер науки и ее универсальность, а также в существование космополитического научного сообщества,

¹ MacLeod R. *Secrets Among Friends: The Research Information Service and the «Special Relationship» in Allied Scientific Information and Intelligence, 1916–1918* // *Minerva*. 1999. Vol. 37. P. 202.

² *The Mechanics of Internationalism. Culture, Society and Politics from the 1840s to the First World War* // Eds. M.H. Geyer, J. Paulmann. Oxford, 2001.

разделяющего взгляды на то, что международное сотрудничество — нормативная предпосылка для получения знаний и обмена ими, которая с учетом социальных последствий преследует цель добиться прогресса человечества и международного взаимопонимания³.

В своем подходе к этой проблеме я делаю акцент на обоих типах научного интернационализма и следую двум тезисам. Во-первых, я доказываю, что Первая мировая война не привела к разрушению научного интернационализма, а, совсем наоборот, он географически расширился и никогда не отказывался от социальной практики и этоса предвоенного периода. Во-вторых, я стараюсь показать, что главным последствием войны для мировой науки было становление США как лидирующей научной силы, игравшей с того времени главную роль в ее организации. В связи с этим я начну с научного сотрудничества между союзниками, продолжу странами Тихоокеанского бассейна и Латинской Америки, а закончу Россией.

Союзники

Как только началась война, в США, как и в других воюющих странах, начались важные реформы в политической администрации направленные на то, чтобы эффективнее использовать науку и технику в военных целях. Управление изобретениями (*Direction des inventions intéressant de la Défense nationale*) в Париже; Комитет по научным и промышленным исследованиям (*Board of Invention and Research*) в Лондоне; Отдел военного сырья и Фонд кайзера Вильгельма для военно-технических наук (*Kriegsrohstoffabteilung und Kaiser-Wilhelm-Stiftung für Kriegstechnische Wissenschaft*) в Берлине; и Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) в Петрограде относятся к числу новых учреждений. В США Академия наук и Национальный совет по

³ См.: *Danneberg L., Schönert J.* Zur Transnationalität und Internationalisierung von Wissenschaft // *Wie international ist die Literaturwissenschaft?* / Eds. L. Danneberg, F. Vollhardt in Zusammenarbeit mit H. Böhme und J. Schönert. Stuttgart, 1996. S. 7–85; *Metzler G.* Internationale Wissenschaft und nationale Kultur. Deutsche Physiker in der internationalen Community 1900–1960. Göttingen, 2000. S. 12. О научном интернационализме в общем см: *Geyer M., Paulmann J.* Introduction: The Mechanics of Internationalism // *The Mechanics of Internationalism*. S. 1–25; Madeleine Herren, *Hintertüren zur Macht. Internationalismus und modernisierungsorientierte Außenpolitik in Belgien, der Schweiz und den USA 1865–1914.* München, 2000.

науке (NRC) в Вашингтоне стали главными учреждениями по координации и мобилизации науки в военных целях. Национальная Академия наук США, основанная в 1863 г. как правительственный научно-консультационный институт и до 1914 г. имевшая незначительное политическое влияние, положила начало координации научных исследований в стране. После того, как немецкие субмарины стали топить американские пароходы, президент США В. Вильсон принял предложение Академии наук о создании центрального учреждения для координации военных научно-технических исследований. Национальный Совет по науке был основан в сентябре 1916 г. а в начале 1917 г. был создан Департамент по науке и научным исследованиям как секция Совета национальной обороны. Ее членами были военные, директора ведущих научных учреждений, таких как Смитсоновский институт и Комитет стандартов, ученые университетов и представители научно-инженерных сотрудников из промышленности. Деятельность Национального совета по науке была направлена на централизацию и координацию научных исследований для решения военных проблем, чтобы гарантировать выпуск вооружения, не завися от импорта из Германии. Вся научно-исследовательская работа находилась под непосредственным контролем правительства, однако ее финансирование проводилось не только из государственных средств. Без пожертвований со стороны филантропических учреждений и академических обществ на разработку научных исследований потребовалось бы гораздо больше времени, прежде чем Национальный Совет по науке смог бы начать свою деятельность. Именно пожертвования позволили за короткий срок создать многочисленные филиалы фактически по всем отраслям военно-научной тематики.

Директор Национального совета по науке и главный администратор его отдела по внешним связям Дж. Э. Хейл стал главной фигурой на правительственном уровне по организации научных исследований и сотрудничества между различными учреждениями. Хейл, директор знаменитой обсерватории на горе Вильсон (Mt. Wilson), имел международную репутацию, основав Международный союз по исследованию солнца. Благодаря своим многочисленным международным связям, начиная с 1910 г. он был секретарем иностранных дел в Национальной Академии наук. Помимо работы по координации военно-научных исследований Хейл одной из своих главных задач считал установление тесного международного сотрудничества с американскими союзниками в Европе. С этой целью был создан Комитет международной служ-

бы, который сразу же завязал связи с Академиями наук в Лондоне, Париже, Петрограде и Риме. Несмотря на вовлечение многих ученых в исследовательскую работу по военной тематике, единую политику в этих странах, а также на попытки двустороннего сотрудничества между Францией и Великобританией, координированных действий в области военных исследований в течение первых двух лет войны не было.

Все изменилось в 1917 г. В апреле этого года в Британию и Францию отправилась делегация Комитета международной службы с тем, чтобы получить от государственных и научных учреждений, ответственных за военные исследования, информацию о социальных, экономических, технических и военных проблемах. Американцы увидели неблагоприятную ситуацию во Франции и содействовали усилению научного сотрудничества. Американцы были заинтересованы не только в поддержке союзников, но и в использовании военного опыта, технических новшеств и результатов экспериментальных исследований американской военной машиной. Уже спустя месяц, в мае 1917 г., «англо-французская научная миссия» пересекла Атлантический океан, чтобы обменяться знаниями и обсудить формы и выявить области сотрудничества. Кульминационным моментом данной миссии была конференция по подводным лодкам и открытие базы для субмарин в штате Коннектикут.

Для того, чтобы установить систематические контакты со своими союзниками в декабре 1917 г. Национальный совет по науке учредил Комитет по научной информации (позднее переименованный в Службу научной информации), который незамедлительно назначил так называемых «научных атташе» в американские посольства в Лондоне, Париже и Риме. Этот шаг привел к более координированному научному сотрудничеству, включавшему в себя обмен научными результатами и учеными. В создании Службы информации и института «научных атташе» отразилась важность науки, научно-технического сотрудничества и коммуникаций для военных усилий союзников. Политическое отношение к науке, как в зеркале, отражалось и на ученых, один из которых сказал: «Что поражает меня больше всего, так это огромный диапазон, в котором используется научная работа. Без сомнения труд ученых сотрудников так же важен для победоносной войны, как и усилия военных»⁴.

---

⁴ Reid to Hale. 1 June 1917 // Archives of National Academy of Sciences (NAS), 1914–1918. Administration, Executive Committee, Foreign Service Committee, March 1917.

Однако новая форма международного научного сотрудничества в условиях войны и разрушений формировалось не без сложностей. Проблемы были связаны с недостаточной координацией между различными государственными службами, армией и морским флотом, с нечетким распределением полномочий, проволочкой в обмене результатами научных исследований, бюрократической канцелярщиной и конкуренцией между учеными, учреждениями и тремя странами, а также разными точками зрения на методы науки. Например, лондонский «научный атташе» сообщал, что некоторые ученые, прибывшие из США по обмену, не могли справиться с «грубыми и легковесными методами, которые преподносятся британскими экспериментаторами. Они говорят, что эти методы «ненаучны», что значительно лучше и более тщательно такая работа выполняется в Соединенных Штатах»⁵. Все вместе: посылка «научных атташе», регулярные научные встречи и конференции, обмен информацией и учеными служили не только интересам национальной обороны четырех стран. Многие из этих контактов шли по каналам американской секретной службы, например, через Американскую военнотехническую миссию, которая использовала ученых с целью получения секретной военной информации. Это явилось одной из главных причин, почему офисы «научных атташе» были закрыты в 1919 г., но Служба исследовательской информации и заново основанный Отдел международных связей принял дела от Национального совета по науке.

В конечном счете, сотрудничество союзников во время войны дало уникальную возможность США догнать передовую европейскую науку. Вместе с тем предполагалось, что новые формы научных контактов между союзниками станут базой для организации новой системы международного научного сотрудничества в послевоенный период. Уже в 1917 г. Хейл и А. Шустер из Лондонского Королевского общества стали первыми, кто предпринял усилия по восстановлению международного сообщества. Еще ранее Хейл выказывал недовольство работой Международной ассоциации академий. В 1917 г. он предложил, беря за пример Национальный совет по науке, создать Международный совет по научным исследованиям. Дебаты между Э. Пикаром, секретарем Французской академии наук, Шустером и Хейлом относительно структуры новой организации и будущей роли Германии отражены в документах, на

---

⁵ Bumstead to Hale. 8 May 1918 // Archives of NAS. 1914–1918, Divisions of the NRC. General Relations, Research Information Service, Foreign Offices. London, General, March 1918.

которых мы здесь не будем останавливаться. В конце концов, предложение американцев создать национальные советы по научным исследованиям в качестве основы международной организации, было принято. Осенью 1918 г. в Лондоне на конференции союзных академий был создан Межсоюзнический совет исследований, который в 1919 г. в Брюсселе был переименован в Международный совет исследований. Цель и дух новой организации не отличались от ее предвоенных предшественников. Как сказал Хейл: «Приятно ... видеть ученых, собравшихся со всех частей света, работающих вместе в полном сердечном согласии и с полным пренебрежением к национальным границам. Таким людям со временем обеспечено более широкое влияние и в национальных делах, так как ценность их знаний и опыта все больше и больше признается государством. Поэтому я верю, что поддержка и расширение международного сотрудничества в научных исследованиях станет благоприятным полем деятельности для всех, кто заинтересован в деле обеспечения мира»⁶.

Нет сомнения в том, что политические мотивы были основной движущей силой к учреждению новой организации. В Европе процесс интернационализации науки сопровождался напряженными отношениями между национализмом и космополитизмом, совпадая с расцветом национальной науки и националистического мышления. Международные институты, таким образом, обеспечили платформу, на которой за счет науки можно было использовать политические разногласия. Несмотря на то, что немцы не были допущены в МСИ, а позднее и в Международный союз академий, американцы и представители бывших нейтральных стран демонстрировали успехи в науке благодаря своей трезвой политике во взаимоотношениях с Германией. Требования Франции и Бельгии исключить немецких ученых из всех международных ассоциаций, прекратить всяческие контакты с ними, уволить всех немецких членов из зарубежных академий наук не нашло своего отражения в уставе МСИ.

Научный интернационализм за пределами Европы: Тихоокеанский бассейн и Латинская Америка

Вряд ли европейские ученые заметили, что международное научное сообщество начало проникать в неевропейские районы — особенно в связи с международными конгрессами в странах Азии и Ла-

⁶ Цит.: *Wright H. Explorer of the Universe. A Biography of George Ellery Hale*, New York, 1966. P. 303.

тинской Америки — еще в начале XX столетия⁷. Среди американских ученых, однако, интерес в данной области проявился еще до 1914 г. Гарвардский географ В.М. Дэвис был одним из первых среди ученых, кто призвал к научному исследованию Тихого океана. В 1916 г. он организовал симпозиум по проблемам исследования Тихого океана в рамках годичной конференции Национальной академии наук, где представил план систематического изучения Тихого океана в послевоенный период⁸. В то же самое время группа американских ученых с Западного побережья обсуждала эту тему на годичной конференции Американской ассоциации за научный прогресс в 1915 г. Спустя год протагонисты с Восточного и Западного побережий встретились и объединили свои планы в рамках деятельности Комитета по исследованию Тихого океана при Национальной академии наук. Его задача состояла в координации американских исследований Тихого океана и налаживании международного сотрудничества. Этот комитет, который в 1920 г. стал частью Национального совета по науке, решил организовать научный конгресс в Гонолулу. И это не удивительно, поскольку программа совместного изучения Тихоокеанского бассейна исходила от Института по исследованию Тихого океана, основанного в 1907 г., и Пантихоокеанского союза (1917). В обоих институтах идея создания «международного братства» совпала с планами научного исследования Тихого океана⁹.

⁷ Конгресс по социальным наукам состоялся в Мельбурне в 1880 г. по случаю Всемирной выставки, 14-й конгресс ориенталистов — в Алжире в 1905 г., 11-й конгресс американистов — в Мехико в 1895 г., 17-й — в Буэнос-Айресе в 1912 г. Предложение провести 9-й конгресс ориенталистов в Каире, выдвинутое в Стокгольме в 1889 г., было отвергнуто участниками.

⁸ *Davis W.M. The Exploration of the Pacific // Proceedings of the National Academy of Sciences. 1916. № 2. P. 391–394.*

⁹ Подробнее о ранней истории Тихоокеанских конгрессов см.: *Rehbock Ph. F. Organizing Pacific Science: Local and International Origins of the Pacific Science Association // Nature in its Greatest Extent. Western Science in the Pacific / Eds. R. MacLeod & P. Rehbock. Honolulu, 1988. P. 195–221. Общий обзор см.: Elkin A.P. Pacific Science Association: Its History and Role in International Cooperation // Bernice P. Bishop Museum. Special Publication. Vol. 48. Honolulu, 1961. Дополнительные материалы: Report on the Pacific Science Association. Bernice P. Bishop Museum. Special Publication. Vol. 41. Prepared by the Secretariat of the Pacific Science Council, Honolulu, 1951. Я хотел бы поблагодарить Льюса Элдриджа, исполнительного секретаря*

Без сомнения, несмотря на предварительную работу Тихоокеанского союза и Института исследований Тихого океана, заслуга созыва первого конгресса с участниками из семи стран, в первую очередь, принадлежит американцам. Организация, подготовка программы и ее выполнение были в ведении Комитета по исследованию Тихого океана, который стал «подлинным отцом этого начинания»¹⁰.

Гавайцы боялись, что Соединенные Штаты возьмут под контроль работы по Тихому океану, и эти опасения имели под собой основание. Однако вскоре Пантихоокеанский союз должен был признать, что без поддержки американцев им не осуществить свои амбициозные планы. Инициатива американцев скоро привела к установлению тесных взаимоотношений с научными институтами из Канады, Японии, Филиппин, Австралии и Новой Зеландии. А Комитет по тихоокеанским исследованиям провел предварительные переговоры в 1921–1922 гг. с соответствующими научными и правительственными учреждениями, которые были решающими для созыва второго конгресса¹¹.

На втором Пантихоокеанском научном конгрессе (Мельбурн, Сидней, 1923) было решено учредить Тихоокеанскую научную ассоциацию, которая в конце концов была создана на четвертом конгрессе в Токио в 1926 г., и ее участниками стали представители из четырнадцати стран¹². В своем уставе Ассоциация утвердила две основные задачи: продви-

---

этого музея в Гонолулу за предоставление в мое распоряжение этих двух публикаций.

¹⁰ Objects and Organization of the Pan-Pacific Science Congresses // Proceedings of the Pan-Pacific Science Congress / Ed. G. Lightfoot. Australia, 1923. Held Under the Auspices of The Australian National Research Council and Through the Generosity of The Commonwealth and State Governments. Vol. 1. Melbourne, 1923. P. 1590. Из американских институтов большой вклад в организацию этого конгресса внесли также Музей епископа Бернике в Гонолулу, Институт Карнеги, Американский музей естественной истории и Калифорнийская Академия наук. См.: *Herbert E. Gregory*. Memorandum for the Secretary of the Navy of January 13, 1922 // Archives of NAS. NAS 1919–1939, Foreign Relations: Committee on Pacific Investigations, 1921–1924, General.

¹¹ Second Pan-Pacific Science Congress, Introductory Note // Archives of NAS. NAS 1919–1939. Foreign Relations: International Congresses, Pan-Pacific Science: Second, Melbourn; Sydney: General.

¹² Это были Австралия, Великобритания, Гавайи, Голландия, Голландская Индия, Индо-Китай, Канада, Китай, Новая Зеландия, Филиппинские острова, Франция, СССР, США и Япония.

жение научного сотрудничества и сохранение мира между народами и странами Тихоокеанского побережья¹³.

Поражает факт, что, как и в период Первой мировой войны, так и после, когда идея о создании в Европе интернационального миролюбивого научного сообщества была почти иллюзорной, ученые вновь собрались вместе под влиянием тех же самых идей. Мирное равноправное сотрудничество, в которое больше не верили воевавшие европейские нации, вновь становилось реальностью в Тихоокеанском бассейне. Президент конгресса в Мельбурне сэр Д.О. Массон пояснил в своем инаугурационном обращении, что ведущим мотивом Конгресса является сохранение «мира между нациями». Другие ораторы призывали к «культурным связям», «связям между нациями на основе интеллектуального сотрудничества при обоюдном уважении и доверии»¹⁴.

В противоположность Пантихоокеанским научным конгрессам инициатива по установлению научного сотрудничества в Латинской Америке исходила не от США, а от Аргентины в 1870-х гг. Но это было только до 1898 г., когда в столице Аргентины состоялся Латиноамериканский конгресс, который стал первым в длинном списке южноамериканских конгрессов, созываемых регулярно¹⁵. Следующие конгрессы проходили в 1901 г. в Монтевидео и в 1905 г. снова в Рио-де-Жанейро.

В 1908 г. на четвертом Конгрессе, проходившем в столице Чили Сантьяго, впервые принимали участие все (21) южноамериканские республики. Эта конференция расширила географию стран-участников до всего американского континента, так как были приглашены и США. Включение «саксонских американцев» в состав Латиноамериканских конгрессов, а затем в Панамериканский конгресс символизировало отказ от этнически определенного членства в Южноамерикан-

---

¹³ См.: Proceedings of the Pan-Pacific Science Congress. Australia, 1923. P. 39; The National Research Council of Japan. Proceedings of the Third Pan-Pacific Science Congress. Tokyo. October 30th-November 11th, 1926. Held under the Auspices of the National Research Council of Japan and through the Generosity of the Imperial Japanese Government. Vol. 1. Tokyo, 1928. P. 98.

¹⁴ Proceedings of the Pan-Pacific Science Congress Australia, 1923. P. 17, 27.

¹⁵ Общество по изучению Латинской Америки было основано в 1872 г. Кроме издания «Анналов» оно организовало научно-техническую выставку в 1875–1876 гг. и было инициатором экспедиции в Анды. См.: Sociedad científica Argentina. Congreso Científico Internacional Americano. Buenos Aires, 1910. P. 7.

ском научном сообществе¹⁶. Это стало также знаменательным фактом, поскольку один из национальных институтов превратился в Международный научный форум.

Панамериканские конгрессы отразили по-новому научные амбиции южноамериканцев и показали миру не только их научные достижения во многих областях науки, но также сплоченность ученых Западного полушария. Превращение этих конференций в символ единства двух Америк, начавшееся в Сантьяго, завершилось подчинением этого научного форума политическим целям США, что произошло в 1915 г. в Вашингтоне, где 5-й Панамериканский конгресс призвал к учреждению панамериканизма в западном полушарии¹⁷. Конгресс был организован в тесном сотрудничестве с Панамериканским союзом, отметившим свою 25-ю годовщину в 1915 г., и с правительством США. Ввиду войны в Европе, политическая миссия Конгресса была изложена в циркулярном письме американской прессы, в котором говорилось, что учреждение панамериканизма — это осуществление мечты Дж. Монро и С. Боливара, т.е. создание «новой всемирной группы» в контексте «нового интернационализма». С этой точки зрения у новой панамериканской группы молодых наций была задача восстановления политических, экономических и интеллектуальных разрушений, вызванных войной. Не должно было быть и тени сомнений в том, что это возрождение будет осуществлено под руководством США. Штаб-квартира Панамериканского Союза в Вашингтоне рассматривалась как «Капитолий Пан-Америки»¹⁸.

¹⁶ Этот и следующие Панамериканские конгрессы в 1915–1917 гг. в Вашингтоне и в 1924–1925 гг. в Лиме первоначально считались первым тремя Панамериканскими конгрессами. В Лиме было решено включить Латиноамериканские научные конгрессы в их число. В результате конгресс в Лиме стал считаться шестым Панамериканским научным конгрессом. См.: Report of the Delegates of the United States of America to The Third Pan American Scientific Congress. Held at Lima, Peru. December 20, 1924 to January 6, 1925. Washington, 1925. Дополнительно к этой серии Международный американский научный конгресс проходил в Буэнос-Айресе по случаю столетия майской революции. См.: Sociedad científica Argentina. Congreso Científico Internacional Americano. Buenos Aires, 1910. Европейские ученые также участвовали в этом конгрессе.

¹⁷ Seidel R.N. Progressive Pan Americanism: Development and United States Policy Towards South America, 1906–1931. Ph.D. diss., Cornell University. 1973.

¹⁸ Swiggett G.L. Circular Letter to the Press // Second Pan American Scientific Congress. Report of the Secretary General.

Южноамериканские республики встали под американское знамя. Интернационалистическая доктрина панамериканизма, интегрированная США в традицию южноамериканской освободительной борьбы, преследовала цель замаскировать угрозу американского империализма в Южной Америке. Для преодоления изоляции народов Америки был выдвинут лозунг континентальной солидарности и создания единой идентичности для обеих Америк, а именно «американской» идентичности, что в итоге и стало лейтмотивом движения по организации конгрессов, имевшего своей целью возвестить о новой эпохе интеллектуального сотрудничества в Западном полушарии¹⁹.

Россия

В отличие от неевропейских стран Россия стала частью западного международного научного сообщества уже в XIX в. Хотя предреволюционная Россия в области науки все еще отставала от ведущих европейских стран, в этой стране была разработана современная институциональная структура научных обществ, университетов и Императорской академии наук, которая дала немало ученых с мировой репутацией. Однако ограниченное финансирование, политическая обструкция со стороны царского правительства, экономическая отсталость России, недостаток промышленных исследований, слабое спонсирование науки, социальные перевороты — все это усложняло работу ученых, и вынуждало российских выпускников продолжать обучение за рубежом. «Большой науки» еще не было, но Академия наук стала ведущим национальным научным учреждением²⁰. Наука была полностью централизованной, и такими же централизованными были и международные контакты.

Если иметь в виду, что международные контакты российской науки имели двухвековую историю, то не удивительно, что Императорская академия наук вступила в Международную ассоциацию академий в 1899 г. В 1913 г. она организовала конференцию академий в Санкт-Петербурге²¹.

¹⁹ Report of the Delegates of the United States to the Pan-American Scientific Congress. 1909. P. 13.

²⁰ См.: *Vucinich A.* Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917–1970). Berkeley, 1984.

²¹ *Grau C.* Die Petersburger Akademie der Wissenschaften in den interakademischen Beziehungen 1899–1915 // *Jb. für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*, 1982. Bd. 25. H. 2. S. 51–68.

Хотя русские ученые, как и ученые всех других воюющих стран, были поставлены на службу нации, Октябрьская революция и послевоенный период военного коммунизма привели их, по крайней мере, на первый взгляд, к изоляции от международного сообщества. До 1921 г. Запад не признавал Советскую Россию и не имел с ней дипломатических отношений. Следовательно, восстановление международных научных связей преследовало две цели. Первая — реинтеграция российских ученых в международное сообщество, и вторая — передача (трансфер) структур, знания и ученых для того, чтобы реформировать национальную систему организации научных исследований.

Я выделяю шесть основных моментов в международных научных контактах России.

Во-первых, в институциональном отношении Академия наук была основным фактором международных связей. Новый режим радикально изменил организационную структуру высшего образования в соответствии с коммунистической идеологией. Однако включение Академии наук в административную систему научных и научно-художественных институтов, подчинявшихся Главнауке Наркомпроса, не сказалось на ее относительной автономии в начале 1920-х гг.²² Академия быстро осознала, что только сотрудничество с новым режимом может обеспечить ее существование. Интерес советских властей к КЕПС подтверждал эту стратегию. В итоге, Академия смогла сохранить участие в международных проектах, насколько позволяли скудное финансирование и очень сложные условия для исследовательской работы, особенно в ранние послереволюционные годы. Реформа науки в 1920-х гг. была проведена новым режимом не только по идеологическим соображениям, но и из-за необходимости ликвидировать отставание от науки и образования Западной Европы, используя такие зарубежные организационные модели, как научно-исследовательские институты. 18 июля 1918 г. непрременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург поставил перед Наркомпросом вопрос о восстановлении международных научных связей, но не добился быстрого его решения²³. Финансовые и экономические трудности, а также устав Международного совета по исследованиям, делали возможным в 1920–1921 гг. только поездки с целью приобретения науч-

²² *Vucinich A. Empire of Knowledge. S. 111.*

²³ *Sowjetmacht und Wissenschaft. Dokumente zur Rolle Lenins bei der Entwicklung der Akademie der Wissenschaften / Eds. G. Kröber, B. Lange, Berlin, 1975. Dok. №. 45.*

ной литературы и оборудования. Они организовывались при помощи личных контактов, которые ученые имели с довоенных времен. Эти хорошо налаженные личные контакты были главной составляющей международной деятельности непосредственно в послевоенный период. Русские ученые проявляли большую активность в международном сообществе. Так как до 1923 г. участие советских ученых в международных конгрессах было невозможным, правительство РСФСР посылало их за границу для изучения иностранной системы и для обмена информацией: 11 человек (среди которых был один член Академии) в 1918 г., 10 (3) в 1920 г., 17 (8) в 1922 г., 25 (12) в 1924 г. и 44 (15) в 1926 г.²⁴ Начиная с 1923 г. Академия делегировала своих представителей на все значительные научные конгрессы. Воспоминания физика А.Ф. Иоффе свидетельствуют о существовании широкой международной сети ученых²⁵. Ольденбург, например, ездил в Германию, Францию, Великобританию в 1923 и 1926 гг., чтобы посетить научно-исследовательские институты; Иоффе пересек Атлантический океан в 1926 г., чтобы встретиться с американскими коллегами.

Во-вторых, из-за широких международных связей Академии наук и ученых, большевикам пришлось столкнуться с дилеммой, оставившей в стороне финансовые проблемы. Попытка преодолеть международную изоляцию и вступить в международные общества вступала в противоречие с политикой встраивания национальных институтов в политическую систему. Вступление в Международный совет исследований предполагало существование единого национального научно-исследовательского института, коим в России могла быть только Академия наук. Но советское правительство отвергло идею автономности Академии наук в международных связях, оставляя за собой контроль над ними. Таким образом, только после коммунистической реформы Академии наук советская Россия стала членом международных научных организаций, хотя официальные предложения вступить в некоторые из них были уже в 1919 г.²⁶ Но до 1928 г. большевики предпочитали участвовать в международных мероприятиях от случая к случаю и только на двусторонней основе²⁷. Неудивительно, что советское правительство

²⁴ *Komkov G.D.* Geschichte der Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1981. S. 376.

²⁵ *Joffe A.F.* Begegnungen mit Physikern. Basel, 1967.

²⁶ *Lersch E.* Die auswärtige Kulturpolitik der Sowjetunion in ihren Auswirkungen auf Deutschland 1921–1929, Frankfurt, 1979. S. 114. Note 8.

²⁷ *Ibid.* S. 117.

создало новую структуру для контроля международных научных связей. Кроме упомянутой уже Главнауки, в марте 1921 г. советское правительство создало в Берлине Бюро иностранной науки и техники (БИНТ)²⁸, которое подчинялось Научно-техническому отделу (НТО) ВСНХ, точнее его комиссии по науке²⁹.

НТО стал первым правительственным органом, который был предназначен контролировать технические науки, не входившие в ведение Наркомпроса³⁰. Главными задачами БИНТ были сбор информации о новейших исследованиях за рубежом, налаживание связи с зарубежными учеными, перевод на русский важнейших трудов и закупка научного оборудования. Однако БИНТ действовало не очень оперативно и без большого успеха. После реорганизации бюро еще продолжало работать, но уже к концу 1920 гг. потеряло свое значение³¹. Координация работы БИНТ с деятельностью НТО была незначительной³².

В-третьих, обмен литературой и информацией, а также закупка научного оборудования были главными целями русского интернационализма на раннем этапе. После окончания блокады Антантой в 1920 г. начался обмен литературой между Академией и зарубежными учреждениями³³. Спустя два года в Академии было учреждено Бюро по книгообмену³⁴. Уже в 1921 г. при Наркомпросе была создана Комиссия по закупке книг за границей³⁵. Между 1922 и 1924 гг. под руководством БИНТ осуществлялась работа над семью томами «Сис-

²⁸ *Komkov*. Geschichte der Akademie der Wissenschaften. S. 356.

²⁹ *Lersch*. Auswärtige Kulturpolitik. S. 97.

³⁰ *Vucinich*. Empire of Knowledge. P. 109

³¹ *Lersch*. Auswärtige Kulturpolitik. S. 102.

³² Deutschland–Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit. Zum 50. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. Berlin, 1966. S. 138.

³³ Die Berliner Akademie der Wissenschaften in der Zeit des Imperialismus. Teil 2: Von der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution bis 1933 / Hg. W. Schlicker. Berlin, 1975. S. 134.

³⁴ В литературе называют разные даты его основания: *Komkov*. Geschichte der Akademie der Wissenschaften. S. 377 (указан 1921 г.); *Lersch*. Auswärtige Kulturpolitik. S. 106. Dok. №. 96 (указан 1923 г.); *Sowjetmacht und Wissenschaft*. S. 211 (указан 1922 г.). Решение о создании Бюро по международному книгообмену было принято в 1922 г. // Протоколы Общего собрания РАН, 1922. § 174. С. 65–66.

³⁵ *Sowjetmacht und Wissenschaft*. Dok. № 77.

тематического обзора научной литературы в период 1914–1921 гг.». В 1923 г. в Историческом музее в Москве была организована выставка немецкой академической литературы. В ноябре 1924 г. немецкое и российское правительство подписали договор об обмене книгами и журналами³⁶.

В-четвертых, в центре внимания русских оказалась Германия. О ее научных достижениях писали не только в академических журналах, ее науку пропагандировали и в общественно-политических публикациях как предпочтительную модель в связи с длительной традицией двухсторонних академических связей начиная с XVIII в., широко распространенной практикой получения образования многими русскими учеными в немецких университетах в начале XX в. и политической ситуацией, в которой оказались оба государства. Как и Веймарская Германия, советская Россия стремилась адаптировать науку и ее институты к нуждам нового правительства, и она так же, как и Германия, была изолирована от международного сообщества. Подобно немецким коллегам у русских ученых не было доступа к вновь образовавшимся международным научным организациям. Поэтому специфические внутренние и внешние факторы в послереволюционной России и Веймарской республике привели к уникальному двухстороннему сотрудничеству в 1920-е гг.³⁷ Договор, подписанный в Рапалло, был только вершиной айсберга разнообразных научных контактов между двумя странами. Учреждение БИНТ в Бюро торговли в Берлине, германская экспедиция по борьбе с голодом между 1921 и 1923 гг., которая привела к тесному сотрудничеству в области медицинской науки³⁸, и возобновление официальных отношений между академиями в Берлине и Петрограде в 1923 г. ознаменовали начало этого сотрудничества. Русские ученые рентгенолог М.И. Неменов в 1920 г. и физик О.Д. Хвольсон посетили Германию в 1921 г., многие другие ученые

³⁶ Deutschland–Sowjetunion. S. 159.

³⁷ Traditionen der deutsch-sowjetischen Wissenschaftsbeziehungen und die wissenschaftliche Zusammenarbeit zwischen der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und der Akademie der Wissenschaften der DDR. Berlin, 1976; Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag / Eds. W. Steinitz, P.N. Berkov, B. Suchodolski und J. Dolansky. Berlin, 1966.

³⁸ Jähn G. Über das Hilfswerk der deutschen Regierung für die Hungernden in Sowjetrußland 1921–1923 // Jb. für die Geschichte der UdSSR, 1964. № 8. S. 125–142. О БИНТ см.: Sowjetmacht und Wissenschaft, Dok. №. 75.

приехали в последующие годы³⁹. Общество содействия немецкой науки поддержало поездку немецкого географа Э. Обста в Россию в 1923 г., а в 1924 г. были профинансированы уже три научные командировки⁴⁰. Немецкие стипендиаты и ученые, такие как историк О. Хётч и физик В. Вестфаль (приглашенный Максимом Горьким в Советскую Россию в качестве первого немецкого ученого) посетили Россию в 1922 г. и были вовлечены в содействие научному сотрудничеству двух стран⁴¹. Хётч возродил Немецкое общество по изучению Восточной Европы (основанное в 1913 г.), Вестфаль основал в 1923 г. комитет, в составе 44 ученых, (среди них были Ф. Хабер, А. Эйнштейн, М. Планк, Б. Нернст, А. Гарнак и В. Зомбарт), который имел целью учредить «Рапалло в науке»⁴². Эйнштейн в письме 1921 г. обещал поддержку советской науке и международному сотрудничеству⁴³. Эти инициативы нашли положительный отклик у немецкого правительства (К.Г. Беккер) и научной администрации. Ф. Шмидт-Отт, президент Немецкого общества по изучению Восточной Европы и глава Общества содействия немецкой науке стал одним из самых выдающихся покровителей научных связей между двумя странами после подписания соглашения в Рапалло, действуя, конечно, всегда согласовано с Министерством иностранных дел⁴⁴. В данной статье за неимением возможности мы не вдаемся в подробности. Участие 35 немецких ученых, среди которых были М. Планк и Э. Мейер, в праздновании 200-летней годовщины АН СССР в 1925 г. можно считать началом интенсивного научного сотрудничества в разнообразных областях науки в последующее десятилетие⁴⁵. Хотя за этим

³⁹ Deutschland–Sowjetunion. S. 42. См. также: Письмо М.И. Неменова от 15 окт. 1920 г. // Sowjetmacht und Wissenschaft. Dok. №. 59.

⁴⁰ Deutschland–Sowjetunion. S. 135.

⁴¹ *Striegwitz S.* Bemerkungen zum Bericht Wilhelm Westphals über seine Reise nach Sowjetrußland (Oktober 1922) // Deutschland-Sowjetunion. S. 473–479.

⁴² *Liszkowski U.* Osteuropaforschung und Politik. Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und Wirken von Otto Hoetzsch. Vol. 2. Berlin, 1988. S. 484. *Schröder-Gudebus B.* Deutsche Wissenschaft und Internationale Zusammenarbeit 1914–1928. Ein Beitrag zum Studium kultureller Beziehungen in politischen Krisenzeiten. Thèse. Geneva, 1966. S. 236.

⁴³ Письмо А. Эйнштейна от 27 янв. 1921 г. // Sowjetmacht und Wissenschaft. Dok. №. 69.

⁴⁴ *Schmidt-Ott F.* Erlebtes und Erstrebtes. 1860–1950, Wiesbaden, 1952. 217 S.

⁴⁵ *Stupperich R.* Die Teilnahme deutscher Gelehrter am 200 jährigen Jubiläum der Russischen Akademie der Wissenschaften (1925) // Jb für Geschichte Osteuropas.

сотрудничеством не последовало организационной программы, были реализованы лишь единичные проекты и конференции, оно было уникальным.

В-пятых, был научный интерес также и в других западноевропейских странах. Будучи министром просвещения во Временном правительстве, Ольденбург еще в 1917 г. предлагал учредить русские научные общества за рубежом по французской модели. Хотя Париж и приветствовал это предложение, Октябрьская революция прервала дальнейшую деятельность в этом направлении⁴⁶. После этого научные контакты никогда уже больше не выходили за рамки личных отношений, хотя созданное в 1925 г. Научное общество по сближению Франции и СССР организовывало академические командировки⁴⁷. И опять США стали исключением. Американцы были первыми, кто заново восстановил научные контакты с Россией. Конечно же, в период 1917–1933 гг. Вашингтон не шел на дипломатическое признание России, но в рамках Американской комиссии помощи голодающим уже во время Гражданской войны были возобновлены личные контакты. Обеспокоенная проблемами своих коллег, Комиссия направила в 1919 г. в Россию В. Келлога, чтобы представить отчет о ситуации в академическом сообществе. Ввиду нехватки в России научной литературы, Келлог по возвращении на родину создал Американский комитет по снабжению русских ученых литературой. В 1922 и 1923 гг. около 360 организаций отправили на корабле литературу в Москву при содействии этого Комитета. Кроме того, такие русские ученые, как Д.Н. Бородин приехали в США еще в 1919 г., занимаясь здесь по поручению Н.И. Вавилова сбором семенного материала. С 1923 г. в советскую Россию стали ездить американские ученые⁴⁸. В этом же году в Вашингтоне было создано Советское бюро информации как отдел при Всесоюзном обществе культурных связей с зарубежными странами. В целом, у него была та же задача,

---

N.F., 1976. Bd. 24. S. 218–229; *Conrad Grau C.* Die deutschen Universitäten und die 200-Jahr-Feier der Akademie der Wissenschaften der UdSSR 1925 // Deutschland–Sowjetunion. S. 172–178; *Schmidt-Ott.* Erlebtes. S. 221; *Lersch.* Auswärtige Kulturpolitik. S. 123.

⁴⁶ Письмо С.Ф. Ольденбурга в Наркомпрос от 18 июля 1918 // *Sowjetmacht und Wissenschaft.* Dok. № 45. S. 150.

⁴⁷ О поездках в Англию см.: *Armytage W.H.G.* The Russian Influence on English Education. London, 1969. P. 77.

⁴⁸ *Parks J.D.* Culture, Conflict and Coexistence. American-Soviet Cultural Relations, 1917–1958. Jefferson (N.C.), 1983. P. 15.

что и у БИНТ, т.е. организация обмена литературой и информацией⁴⁹. Уже в 1921 г. Фонд Рокфеллера выделил русским студентам стипендии для обучения в западных университетах, всего была получена 21 стипендия в с 1921 по 1929 гг. Фонд также финансово поддерживал российские научно-исследовательские институты⁵⁰.

В-шестых, мало известен факт, что Академия наук хотела установить организационно-научные связи с незападными странами еще до Первой мировой войны наподобие латиноамериканских и панатлантических научных объединений. К.В. Ягич — специалист по славянским языкам с высокой международной репутацией, член Императорской академии наук в Санкт-Петербурге (ИАН), стал протагонистом тесного сотрудничества между восточноевропейскими научными учреждениями в первом десятилетии XX в. Академии наук в Восточной Европе, например в Праге, не были членами Международной ассоциации академий, и их содействие славянской науке следует рассматривать в контексте попыток этих стран добиться независимости и национальной идентификации. Ягич был членом ведущих академий на Западе и хорошо знал их международные сети, поэтому мог усилить коалицию академий Белграда, Загреба, Софии, Кракова и Праги. Под руководством Отделения русского языка и литературы Академии наук устав новой ассоциации был учрежден в мае 1911 г., но академии в Праге и Кракове отказались участвовать в этой ассоциации. Главными причинами их отказа были: первостепенная роль ИАН, сведение научной деятельности до одного только Отделения, исключение естественных наук, политические ограничения. Ягич тоже отверг устав, поскольку он не соответствовал его первоначальным намерениям⁵¹. Спустя год переделанный устав был принят на конференции, проходившей в российской столице. Академия в Праге поставила свою подпись, но Академия в Кракове так и не вступила в Ассоциацию из-за натянутых политических отношений между Россией и Польшей. Основной задачей Ассоциации было содействие совместным проектам в области изучения славянских языков. Важность создания новой Ассоциации славянских академий была очевидна, но война помешала материализовать ее идеи. В 1920-е гг. годы интерес России был направлен в сторону Запада. Но советская Россия также проявила интерес к активным действиям в Тихом океане.

---

⁴⁹ Ibid. P. 22.

⁵⁰ Ibid. P. 24.

⁵¹ *Grau*. Die Petersburger Akademie. S. 63–67.

В 1926 г. Российская академия наук отправила своих представителей на Международный Пантихоокеанский Конгресс в Токио⁵².

Заключение

Первая мировая война привела к серьезным сдвигам в международных научных отношениях, к изменению их организационной структуры. Восстановление европейско-атлантического международного научного сообщества и создание новых международных научных институтов сопровождалось в Европе националистическими и политическими обидами. Это можно видеть на примере создания двух больших организаций, таких как Международный совет исследований и Международный союз Академий в Брюсселе в 1919 г. Эти организации продемонстрировали, что идея и практика научного интернационализма не погибли во время войны. Конечно, война содействовала, по крайней мере, первые два года, официальной кооперации воюющих стран, но в то же самое время, это привело к интенсификации сотрудничества между союзниками. Новые организации приветствовали как новые методы интернационализма. Исключение из них Центральных держав имело свои корни в политике, а не в самой идее интернационализации.

Опыт войны сделал очевидным политическую ответственность ученых. Среди поборников научного интернационализма в период между двумя мировыми войнами превалировала непоколебимая и оптимистическая точка зрения о необходимости и возможности укрепления международного сотрудничества. Моральный авторитет научного интернационализма не только выжил, но и привел к расширению его географического ареала. В глазах ученых латиноамериканского континента и тихоокеанского бассейна Европа потеряла лидерство в мировой науке. Жители стран Западного полушария, в частности, видели в инаугурации своих научных организаций возможность предотвратить войну и насилие⁵³. Для них Великая война была доказательством не гибели идеального миролюбивого научного сотрудничества, а целесообразности его создания на новом фундаменте, направленном против глобаль-

⁵² *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. Москва, 1975. С. 255.

⁵³ *Gregory H.E.* Responses to Delegates // Proceedings of the Third Pan-Pacific Congress. P. 130.

ной гегемонии западной науки⁵⁴. Американцы были связующим звеном между учреждением неевропейских международных организаций и попытками интенсифицировать и реорганизовать международное сотрудничество в Европе. Вновь созданные научные учреждения отражали изменившееся соотношение сил между нациями. В течение длительного времени Бельгия и Франция при своей жесткой, бескомпромиссной позиции по отношению к Центральным державам стояли в стороне и, главным образом, США сделали возможной быструю реинтеграцию немецких ученых в международное сообщество. Но война фактически лишила Германию господствующего влияния в научном мире.

Опыт между двумя мировыми войнами свидетельствует, что научный интернационализм не может быть подавлен политическими влияниями. Попытка изолировать Германию и Россию от международных институтов привела к тесному партнерству этих стран на определенный период времени, результатом чего стали плодотворные проекты и, в конечном счете, вернула обе страны на международную арену.

Война также продемонстрировала, что единство интернационализации и нормативного интернационализма временами мог ослаблять глобальный политический кризис, и международное научное сотрудничество использовалось исключительно в национальных интересах, как, например, это продемонстрировало межсоюзническое сотрудничество. С учетом разнообразия политических, культурных и научных факторов и долговременной вовлеченности США в мировую науку во время и после войны центр науки стал перемещаться из Европы в Америку. Поскольку американцы начали играть главную роль в европейском научном сообществе в 1920-е гг. они быстро распространили свое влияние на Латинскую Америку и страны Тихоокеанского бассейна. Превращение США в политическую и экономическую сверхдержаву естественно в последующие годы выразилось в том, что Америка стала интеллектуальным гегемоном в международном научном сообществе.

Перевод И.А. Белозеровой

---

⁵⁴ *Sakurai Jōji*. President's Banquet // Proceedings of the Third Pan-Pacific Congress. P. 128.